

Анна Вышегородцева

НОТЫ ДРУЖБЫ

Иллюстрации автора

Ваша А.

Анна Вышегородцева

Ноты Дружбы

Рассказ в двух частях

Иллюстрации автора

Часть I

Часть Первая

Ты умеешь дружить?

Никлис лежал на земле, в кустах, нетерпеливо перебирая чумазыми пальчиками землю прямо перед собой, выдёргивая из неё травинки. В двадцати шагах от него, на пологом песчаном пляже возле самой кромки воды сидел мальчик. Этот мальчик с большой лопухой головой на тонкой шее и хлипкими, тощими руками, появился здесь впервые, и Никлис, который считал этот укромный отрезок берега своей собственностью, был возмущён появлением чужака. Он залёг в густые заросли кустов, которые росли на крутом скате берега, и вот уже сколько времени наблюдал за этим чужаком. Он поставил себе условие, что, если мальчик не уберётся, пока он не досчитает до ста, пусть пеняет на себя, он избавится от непрошеного гостя! Разве не так делали рыцари древности в легендах, которые мама рассказывала ему на ночь?..

Девяносто шесть... девяносто семь... Никлис почесал лоб. Девяносто восемь... девяносто девять... Он живо встрепал апельсиново-рыжие волосы руками, пытаясь выбить запутавшиеся в них листья и ветки, потом откинул их назад, пригладил и, натянув на плечо сползшую подтяжку, вылез из кустов. На ходу одёргивая выпачканные в земле и травяном соке рубашку и штаны, он быстрым шагом направился по песку к чужаку. Приблизившись, он намерено громко стал загребать ботинками песок и сунул руки в карманы с самым серьёзным и деловым видом. Мальчик, сидевший у воды, услышал его и в испуге обернулся.

В руках он держал два больших круглых камня, точнее, один он прижимал ко лбу, а другой макал в воду, и Никлис несколько умерил шаги, видя, что чужак вооружён. Мальчик был одет в страшно изодранную и совершенно лишённую определённого цвета рубашку, один рукав которой, похоже, оторвался, а другой истёрся в клочья и о его присутствии напоминали лишь несколько пришитых к полочкам истрёпанных лоскутков. Большие штаны на одной подтяжке были подвёрнуты до колен, демонстрируя тощие ноги с розовыми исцарапанными коленками.

Увидев Никлиса, мальчик застыл, словно мраморное изваяние, и Никлис несколько секунд разглядывал его по-детски круглое лицо с острым подбородком и прямым точёным носиком. Рот его, с тонкими губами, был приоткрыт, а огромные, почти девчачьи глаза, горели удивительным, ярко-сиреневым цветом. Их опушал двойной ряд густых тёмных ресниц. Мальчик не выпускал из рук своих камней и продолжал прижимать один из них ко лбу под шевелюрой прямых остриженных волос.

- Что надобно тебе в моей земле? – в самом воинственном тоне спросил Никлис, остановившись перед ним и выпятив грудь колесом.

- Э-э... - протянул мальчик и вдруг, опустив камень, сунул его в воду, а другой, вытащив из реки, опять приложил ко лбу.

- Что ты делаешь? – поинтересовался Никлис, внезапно растеряв всю свою серьёзность. Ему показалось очень забавным это перемещение камней, и он подумал, что это какая-то интересная игра.

- Приве-ет?.. – неуверенно сказал мальчик.

- Привет. Я спрашиваю, что ты такое делаешь? Или ты глухой? – Никлиса это быстро вывело из себя.

- Я-а...

- Ну?

- Это...

- Ну, так скажи хоть, как тебя зовут! – воскликнул Никлис.

- А! Э, Орландо, - выдал мальчик, вдруг опомнившись. – А тебя?

- Никлис, - Никлис протянул ему руку. – Ты умеешь дружить?

- А... наверное, - Орландо неуверенно пожал его ладошку мокрой холодной рукой.

- А тебе сколько лет? – поинтересовался Никлис.

- Восемь... - пробормотал Орландо.

- О, а мне девять, - Никлис снова вспомнил про свою серьёзность и опять выпятил грудь колесом. – Так, что ты делаешь?..

- А... у меня голова болит, - ответил Орландо. – Очень...

- А зачем камни мокрые? – не отставал заинтересовавшийся Никлис.

- Они не мокрые, они холодные... ну, точнее, они мокрые, но ещё они холодные. Вода в реке холодная, они остывают и высасывают мою боль... - вздохнул Орландо. – У тебя случайно нет еды?..

- Еды? – удивился Никлис и задумчиво засунул руку в карман. Он достал пригоршню самых разнообразных вещей, которые он коллекционировал там. Мальчик отыскал жёлудь, лесной орех, сосновую кору, иголки, перо дятла, обломок карандаша, верёвочку, скорлупки от каштана, куски сухих листьев и луковую шелуху.

- Вот, - сказал он, протягивая Орландо руку. – Это всё, что у меня есть.

- О-о! – Орландо положил один из камней на дно реки и мокрыми пальцами выудил из горы этого лесного хлама жёлудь, орех и скорлупки каштана.

- А ты не мог бы скорлупу мне вернуть? - несколько обиженно спросил Никлис. – Я хотел из неё кораблики делать...

- Ой! Конечно, держи, - Орландо отдал ему колючие скорлупки и, кинув жёлудь в рот, ловко раскусил его и языком выудил из кожуры ядрышко.

- А я не знал, что плоды дуба съедобны, - произнёс Никлис в надежде показаться умным. Он думал, Орландо не поймёт таких сложных слов, но к его удивлению, мальчик всё понял.

- Съедобны, только не сырыми, - заявил Орландо и сунул ядрышко в собственный карман. – Я их собираю и отмачиваю в воде, а потом их можно жарить... и есть, как орехи. Однажды я съел несколько сырых желудей, но они горькие, и я не стал продолжать, а потом мне стало плохо...

- Ладно-ладно, - перебил его Никлис.

- Всё, что ни растёт можно как-нибудь да съесть, - пояснил Орландо и съел орех.

- Да, но ведь бывают и ядовитые растения, - заметил Никлис. – К тому же, зачем есть всё подряд, когда дома всегда есть еда?

- У тебя всегда дома есть еда?.. – завистливо произнёс Орландо, искоса поглядев на него, и чёлка упала ему на лицо.

- А у тебя нету что ли? – фыркнул Никлис.

- Не всегда есть, так скажем, - Орландо вздохнул, и Никлис вдруг посмотрел

на него с другим ощущением. Странный он, этот Орландо, одет в одни лохмотья, есть всякую гадость... Никлис отчего-то даже не задумывался о том, что можно жить по-другому по сравнению с тем, как жил он и его семья.

- А улиток ты ешь? – поинтересовался он, поскольку поедание улиток он считал верхом мерзости и не мог себе подобного представить.

- Улиток? Иногда. Их можно жарить, но сырые они воняют тинной, и потом, они очень склизкие... - Орландо поморщился. Это было действительно верхней границей отвращения, которое Никлис испытывал, слушая подобные фразы, и он поспешил сменить тему на вкусную еду.

- Моя мама всегда очень вкусно готовит, а отец почти даже не кухню не заглядывает... - заметил мальчик, снова почёсывая лоб и откидывая назад шелковистые рыжие пряди.

- У тебя есть папа? – восхитился Орландо, и его глаза восторженно заблестели.

- Нет, у меня есть отец, - Никлис озадачено на него посмотрел. – Он не любит, когда я называю его «папа».

- О-о... а я думал твой папа тебя любит... - разочаровано протянул Орландо.

- Почему это он меня не любит?! – оскорбился Никлис. – Он просто хочет, чтобы я говорил с ним, как взрослый со взрослым! Почему ты так говоришь, тебя, что, отец не уважает?

- У меня нету папы... - сказал Орландо. – Он умер, когда мне было восемь месяцев...

- Оу... - Никлис притих и снова посмотрел на него с тем чувством открытия чего-то нового.

- Да, - после некоторого молчания подтвердил Орландо. – Ну, ладно, кажется, у меня не болит голова.

Он выпрямился, и Никлис с любопытством изучил взглядом его тощую фигурку и длинные тонкие ноги, торчащие из больших штанин.

- Пойдём в лес? – предложил Орландо, которому, похоже, не нравилось, что его разглядывают. Не дожидаясь ответа, он повернулся и зашагал в лес, а Никлису только и оставалось, что присоединиться к нему.

- Только мне нельзя уходить слишком далеко от дома! – воскликнул он, нагоняя своего нового друга. Орландо вскарабкался по крутому склону на берег реки и зашагал краем поля к лесу, что начинался в сотне шагов от него. Он что-то насвистывал себе под нос. Никлис с любопытством наблюдал, как легко и проворно он идёт босиком по скошенной траве и удивлялся этому. Он специально надевал ботинки, чтобы не колоть пятки о траву и сучья, что попадались в лесу.

- Ты любишь ходить босиком? – спросил Никлис, несколько завидуя тому, что сам он может так сделать не только потому, что ему было больно, а ещё потому, что мама с отцом не любили, когда он ходил по лесу босиком. Они утверждали, что в обуви нужно уметь ходить, к тому же, в лесу бывали змеи...

- Что? – переспросил Орландо, прерывая своё насвистывание.

- Тебе нравится ходить без обуви? – Никлис терпеть не мог повторять вопросы, которые казались ему хоть сколько-нибудь унижительными относительно себя самого.

- Нет, - Орландо пожал плечами. – Трава всегда очень острая... Но... У меня нет летней обуви.

- То есть, как это нет? – в свою очередь не понял Никлис.

- Ти-у... ти-у... тэ-тэ-тэ... ти-у... ти-у... - вдруг принялся напевать Орландо, слегка наклонив голову и словно прислушиваясь к чему-то.

- Ты что? – Никлис сделал шаг в сторону от него. – Я тебя спрашиваю, а ты несёшь что-то непонятное, что с тобой не так?!

- Что тебе надо? – Орландо перестал свистеть и поглядел на него почти сердито. Никлис пришёл в исступление.

- Ты меня не слышал?! Вообще?! – выдал он, разведя руки в стороны.

- Ты спросил нравится ли мне ходить босиком, - сказал Орландо. – И я сказал, что нет. Что ещё тебе нужно?

Никлис шумно дышал носом, плотно сжав губы, и не знал, что ему сказать теперь, потому что его вопрос был снова «несколько унижительным».

- Я просто спросил, почему у тебя нет летней обуви, а ты начал петь, и мы словно и не разговаривали вовсе! – произнёс он недовольно, но

успокаиваясь.

- А, извини, - вдруг сказал Орландо. – Я не услышал. Мы просто экономим... Без зимней-то обуви никуда не выйдешь, а летом ничего, не холодно хотя бы.

- Экономите? – Никлис уже когда-то слышал это слово, но значения его до конца не понимал.

- Ну, то есть, деньги, которые могли бы уйти на летние ботинки, мама тратит на еду, - пояснил Орландо. – То есть мы экономим на ботинках.

- Ну да, - с серьёзным видом сказал Никлис, словно всё понял. – Понятно. Они оба притихли и в молчании шагнули на территорию пятнистого сумрака, звона птичьих голосов и таинственных очертаний могучего соснового леса, где среди гигантских стволов замирали колоннады золотистых солнечных лучей и звучал неумолчный гомон всякой лесной живности. Никлис с благоговением посмотрел на далёкий изумрудный свод над своей головой и улыбнулся солнцу, что пронзало его своим лёгким, трепещущим светом. Лес здесь было довольно чистым, лишь местами попадались заросли орешника, малины или голубой жимолости, которую эльфы прозвали ягодой Голтэ Эверэ, да землю устилал невысокий, но довольно густой ковёр черничных или брусничных кустиков.

Тот тут, то там показывались кочки, поросшие ангельской травой, что только начинала зацветать своими колосками-крылышками. В одной лощине, под стволом упавшего дерева, Никлис уловил знакомый медовый запах сонницы, смешанной с резким ароматом овражника. Мама скоро пойдёт за травами, нужно заметить это место... Никлис поставил точку в своей мысленной карте, постоял немного, любясь ковром кораллово-розовых цветков сонницы на склоне лощины, и оглянулся к Орландо, собираясь позвать его к себе.

В тот же миг послышался треск кустов, и мальчик увидел мелькнувшие над ними пятки Орландо, а потом проклятья.

- Удрала, бестия! – возмутился Орландо, вылезая из кустов весь исцарапанный и перемазанный в земле. Пока Никлис шагал по лесу, изо всех сил стараясь скрадывать свои шаги и идти бесшумно, наслаждался красотами и ароматами трав, Орландо интересовался только тем, что можно

было съесть. Он шарил в зарослях орешника в поисках ранних плодов, искал созревшую малину, рылся в папоротниках и ковырял кору на пеньках, что попадались на пути, в общем, как мог старался снабдить себя едой. Ему повезло раскопать какие-то корни, которыми он набил карманы своих штанов. Потом он нашёл какую-то гадость в трухлявом пеньке и с воплем радости съел её. Наконец, мальчик отыскал в малиновом кусте гнездо воробья и живо обокрал птицу на четыре крохотных яйца, которые не преминул сразу же выпить. Последней его находкой была большая жирная зелёная ящерица, которая, однако, ускользнула от него в своё укрытие, и Орландо остался с пустыми руками. Никлис же, которому становилось не по себе от одного вида всей той мерзости, которую Орландо проделывал, поморщился на его негодование, и позвал его полюбоваться пейзажем. Орландо подошёл и мрачно уставился на цветы.

- Разве это не красиво? – спросил Никлис, улыбаясь.

- Красиво, - согласился Орландо. – Даже очень, только эти твои цветочки не съедобны. От них очень хочется спать.

- Быть может, тебе стоит прекратить набивать живот всякой дрянью? – предположил Никлис, щурясь.

- Я сегодня не завтракал, а вчера толком не ужинал... У мамы нет учеников, поэтому она не могла купить картошку на ужин. А я так люблю картошку... печёную, с козьим маслом... - Орландо облизал губы. – Достать её из печки, жжётся, хрустит такая, с чёрной корочкой, разламываешь, а там мякоть... золотистая, и если солью посыпать и масла ещё... М-м...

- А если ещё и со стейком, - заметил Никлис. – Вообще отпад.

- Ты ешь стейки? – удивился Орландо.

- Да, из оленины, - сказал Никлис. – Мой отец охотится осенью и зимой, у него много собак!

Он горделиво прогнул спину, и откинул назад голову.

- А-а... Оленина вкусная, - Орландо вздохнул. – А у меня нет собаки, только кошка. И то она сама по себе, потому что мы её почти не кормим. Ещё козочка есть, но она такая, только молоко и сыр даёт, мяса нету...

- Ты же понимаешь, что коза не даёт мясо просто так, её для этого убить надо, - заметил Никлис.

- Что?! – Орландо вытаращился на него. – Я никогда её не убью! Вот оленя в лесу да, а её никогда! Ты что!

- Я и не говорю, чтоб ты её непременно убил, просто рассеиваю твои предрассудки, - деловито сказал Никлис, опять надеясь блеснуть своими знаниями.

- Нечего их рассеивать, - отозвался Орландо, даже бровью не поведя на его «важное» слово. – Я, конечно, не эксперт по части мяса, мне оно не часто перепадает, но я всё-таки знаю откуда оно берётся. И сыр, и масло тоже... я просто так сказал, чтобы тебе понятней было.

- Я не такой дурак, чтобы не понять, - оскорбился Никлис.

- Ну, вдруг бы ты не понял, - Орландо пожал плечами. – Пошли.

Никлис опять хотел возразить и поспорить, но, почувствовав, что Орландо не намерен сейчас противостоять ему и даже вроде как сказал последнюю фразу извиняющимся тоном, промолчал и последовал за ним по лесу.

Орландо возобновил свои поиски, и Никлису вскоре надоела его суета и возня. К тому же они добрались до края участка, где Никлису разрешено было гулять, и здесь, на берегу мелкого говорливого ручейка, росла одинокая ива, которая была любимым и потаённым местом мальчика.

Он бойко вскарабкался по широким низким ветвям дерева наверх, в своё гнездо в глубокой чаше-развилке и уселся там, слушая, как над его головой в ветвях ивы заливается какая-то маленькая птичка. Откуда-то сверху доносился треск сойки, и вскоре Никлис заметил мелькнувшее голубое оперение – птица снялась с места. Орландо же катался по траве у подножия ивы, пытаясь поймать бабочку, потом долго пил воду из ручейка, потом копался под корнями ивы, разрыл там муравейник, добыл себе немного муравьиной кислоты на палочке и улёгся в десятке шагов от ивы, в корнях огромной сосны, посасывая эту палочку.

Никлис наслаждался покоем и красотой своей ивы, когда вдруг заметил движение на ветвях и обнаружил, что муравьи облепили всё дерево. С

воплем ужаса он вскочил, почувствовал, как что-то ползёт по его рукам и голове и, пошатнувшись, свалился с дерева. Грохнувшись наземь, он принялся кататься, вскрикивая и пытаясь сбить с себя муравьёв. Жгучая боль пронзила его предплечье, и он отчаянно закричал и кинулся к реке. Сунув руку в воду, он долго скулил, ожидая, когда утихнет боль. Муравьи оставили в покое его тело, и когда он несколько оправился от ужаса и снова вернулся на берег, Орландо грустно и в тоже время насмешливо на него смотрел.

- Это же всего лишь муравьи, даже не осы, - заметил он.

- Они всё равно больно кусаются! – возмутился Никлис, потирая руку и стискивая зубы, чтобы не выдать своего страдания.

- Ну и что? Зато они не ядовитые, а очень даже полезные, - сказал Орландо. Никлис сердито на него посмотрел. Он разрушил его умиротворение, напустил на него этих тварей, а потом заставил его так унижительно и жалко кататься по земле и вопить, самое главное!

- Ты полный идиот! – заявил Никлис, весь дрожа от негодования. – Кто просил тебя трогать дерево?!

Орландо сел и удивлённо посмотрел на него.

- Зачем ты их раскопал?! Ты специально на меня их натравил, да?!

- Нет... - тихо произнёс Орландо, и Никлис несколько оторопел от его виноватого взгляда. Его сестры обычно сразу отвечали на подобные реплики тем же или вступали в драку, но Орландо казался таким расстроенным и грустным.

- Извини... - прошептал мальчик. – Я не думал, что они на тебя нападут...

- А сказать мне не мог, чтоб я с дерева слез? – Никлис несколько успокоился сам.

- Так я же не ожидал... Не думал... я, правда, такой идиот... Совсем безмозглый тупица, я ничего не знаю и не понимаю... и не думаю... я не умею дружить... - и Орландо залился горькими слезами, подтянув к груди колени и закрыв лицо ладонями. Никлис стоял, вытаращив глаза, и даже думать забыл про свой укус. Эти слёзы испугали и тронули его, он подошёл поближе и потрогал Орландо за плечо.

- Эй, не надо плакать, - сказал он. – Ну, что ты как девчонка?..
- Я такой подлец... - всхлипнул Орландо.
- Никакой ты не подлец, - заметил Никлис. – Это я сгоряча сказал, ты совершенно нормальный... ну, почти... И даже если ты не совсем нормальный, ведь это же не очень плохо, так моя мама говорит. Хватит плакать, Ландо...
- Орландо вдруг распахнул мокрые глаза и уставился прямо ему в лицо, кончики его торчащих ушей подрагивали.
- Ты назвал меня «Ландо»?.. – прошептал он.
- Э-эм... да, - Никлис попятился.
- Меня ещё никто так не называл, кроме мамы... - выдохнул Орландо. – Обычно, все называют меня пугалом... или куриным крылышком... или чудачком... но меня ещё никто не звал «Ландо»... Меня никто не называл *другом*...
- Правда? – Никлис удивлённо разглядывал его худенькое личико, прислушиваясь к этому приятному и тёплому слову «друг».
- Да... - Орландо судорожно вздохнул. – А как тебя называют?
- Ну-у... - Никлис покачал головой. – В Ордене ребята называют меня рыжим петухом, потому что я почти всегда отвечаю, если меня обзывают... Да, всяко меня называют.
- Ведь ты Никлис, верно? – уточнил Орландо.
- Ага...
- Никлис... Ник-лис... - Орландо словно пробовал его имя. – Можно, я буду звать тебя Лис?
- Просто Ник будет проще, - отозвался Никлис. – Обычно так сокращают.
- Но я не хочу, чтобы было обычно, - заметил Орландо. – Ведь «Ландо» - это не обычно.
- Ну, называй как тебе удобно, - предложил Никлис. – Как лучше на язык ляжет. А теперь давай пойдём куда-нибудь ещё, пока остальные муравьи не атаковали нас тут.
- Пойдём... - Орландо поднялся. – Только у меня живот болит...

Никлис вздохнул и с укором поглядел ему в глаза.

- Наелся всего подряд, вот и болит, - сказал он.

- Ничего, вот эта трава всегда помогает, - Орландо подошёл к берегу ручья и сорвал несколько невысоких светло-зелёных, сочных на вид стебельков.

Аккуратно сняв со стебельков кожуру, мальчик съел их и запил водой из ручья. После этого он присоединился к другу и некоторое время они шли молча, потом Орландо поглядел на своего спутника и спросил:

- А народ ничего не говорит о том, что у тебя такая челюсть?

- А что о ней говорить? Обычная челюсть... - обиделся Никлис, изо всех сил стараясь зацепить нижние зубы верхними, что ему не удавалось сделать.

- Ну, что она так выступает, - пояснил наивный Орландо.

- Да понял я! – огрызнулся Никлис. Это была тема, которую он больше всего не любил и которую меньше всего хотел бы поднимать сейчас. Орландо взглянул на него удивлённо.

- Не злись, - попросил он. – Я не хочу тебе зла, мне просто интересно стало, одного меня гонят за то, что я такой страшный, или нет?..

- Зачем ты обзываешь меня страшным?.. – Никлис сжал руки в кулаки. – Не надо так!.. мама говорит, так нельзя говорить! Это жестоко и грубо!..

- Но... ведь это правда, - сказал Орландо. – Ты, конечно, не очень страшный, я страшней, но всё-таки, ты не совсем *обычный*... И ещё рыжий...

- Замолчи! – в исступлении воскликнул Никлис, шумно вздохнул, но потом ярость его утихла. – Да, многим не нравится, что я такой странный... Многих это раздражает... Но мама говорит, что странность – это дар, и что я не должен их слушать...

- Моя мама тоже так говорит, - согласился Орландо и ободряюще улыбнулся. – Ведь я тоже тот ещё псих...

Никлис вздохнул и осторожно, как бы незаметно, коснулся пальцами своего подбородка, словно хотел узнать, на самом ли деле всё так плохо, как кажется.

- Слушай, - Орландо, словно сразу же забыл всё, о чём они только что говорили, и в глазах его загорелся странный огонёк. – А ты ешь булочки?

- Булочки? – Никлис был так погружён в размышления о своем подбородке, что этот вопрос почти шокировал его. – Да, иногда...

- Ой! – Орландо взволнованно заёрзал. – А ты... не мог бы принести, ну... подарить что ли... мне... одну?..

- Булочку?

- Угу, - глаза Орландо стали круглыми, как плоски.

- Ну, могу наверное, - Никлис задумчиво покачал головой. – Сегодня утром мама их пекла, наверное, до завтра они ещё останутся.

- Можешь?! – просиял Орландо. – Просто... мне так хочется ещё разок их попробовать... Последний раз я ел булочку на прошлое Рождество!

- Какой ужас! – Никлис вытаращился на него в свою очередь. – Ведь они такие вкусные!

- Вот именно, - Орландо тяжело вздохнул.

- Кстати, как твой живот? – осведомился Никлис. – Если хочешь, мы можем завернуть ко мне. Моя мама может тебе помочь, она всегда знает, что делать, когда что-то болит.

- Нормально, - Орландо отмахнулся. – У меня часто так. И трава та ни разу ещё меня не подводила!..

- М-да, - выдал Никлис.

- Однажды я нашёл в лесу какое-то странное растение. У него были длинные мясистые стебли и большие листья, как у лопуха или ревеня. Я и решил, что это ревень, а он ещё кисленький тоже, только горчинка есть странная. Ну, горчинка и горчинка, я съел, сколько смог, а потом... мне стало ужасно плохо...

- Надо изучать, что можно есть, а что нельзя, - заявил Никлис, морщась.

- Да, - согласился Орландо тоскливо. – Только я редко-редко это делаю... Возможностей не хватает.

Никлис взглянул на него отчасти сочувственно, отчасти с упрёком, и они зашагали вдоль ручья вглубь леса.

* * *

До самого вечера, когда солнечный свет стал розовато-оранжевым, а тени

приобрели причудливо удлинённые формы, мальчики бегали по этому таинственному и дикому миру. Неуверенность и осторожность, что проявлялась в их движениях поначалу, вскоре рассеялась, и они вместе играли, позабыв, что стали друзьями каких-нибудь два часа назад. Орландо больше всего интересовали игры, где надо было добывать еду. Он был вообще помешан на еде, на взгляд Никлиса. Однако он имел особенность, которая мальчику и понравилась и не понравилась. Он был достаточно скрытен и молчалив.

Никлис часто вызывал его на разговор, если Орландо сам не начинал его, однако чёткую информацию из него вытянуть было очень трудно, хотя мальчик часто ронял какие-то непонятные реплики о своей семье и своём прошлом. Никлису удалось, несмотря на всю осторожность своего нового приятеля, выяснить, что мама Орландо работает учительницей музыки и зарабатывает каждый день на хлеб. В результате по выходным у них совсем не бывает в доме еды, как например, сегодня. Так же у Орландо было три сестры. Одна, старшая, уже давно вышла замуж, хотя Орландо не мог вспомнить сколько ей лет, он и свой-то возраст ещё чудом не забыл. Эта старшая сестра, судя по всему Орландо не нравилась. Она жила хорошо, и в её кладовке еды было достаточно, чтобы «три раза объесться и лопнуть». После гибели отца Орландо она, как самая старшая, получила его наследство, рассорилась с мамой и отказалась помогать семьей средствами на существование. Вторая его сестра была на несколько лет его старше, а третья была его близнецом. Об этой, третьей сестре, чьё имя Орландо не посчитал нужным сообщить, он говорил со странной теплотой, очевидно, они, как и многие близнецы, были близки друг с другом.

Когда солнце опустилось достаточно низко и Никлис решил, что скоро время ужинать, и ему стоит вернуться домой, Орландо пожелал ему спокойной ночи и ушёл в лесной сумрак, условившись встретиться завтра в том же месте, на берегу реки. Проводив его взглядом, Никлис повернулся и побежал домой. Он был жутко голоден, поскольку не пожелал воспользоваться приглашением Орландо к его лесной трапезе и ничего не ел с полудня. Мальчик был

серьёзно озабочен всем, что он узнал сегодня, и возвращался домой с тревожным, почти хмурым лицом, обдумывая истории Орландо и его безумное желание съесть всё, что попадалось ему на пути.

* * *

Дома уже были зажжены все свечи, Никлис увидел их в окно и, взбежав на высокое крыльцо, увешанное фонариками и увитое плющом, отворил тяжёлую дверь. Оставив ботинки в передней и стянув с утомлённых ног носки, он шагнул в гостиную. Отец сидел в кресле перед тёмным камином, установив рядом с собой свечи, и читал большую свежую газету. Никлис со сдержанным вздохом поглядел на эту газету. Если отец читает, то его внимание очень трудно привлечь. Мама хлопотала на кухне, и Фильнара, младшая сестра Никлиса, помогала ей собирать на стол. Только её крутые и жёсткие рыжие кудри мелькали между кухней и столовой. Мариэль где-то снова пропадала.

- А, Лисёнок, ты дома! – обрадовалась мама, остановившись с тарелкой в руках. – Боже мой, откуда у тебя такой синяк на щеке?

- Не помню, - отозвался Никлис, потирая саднящую щёку. Кажется, он упал откуда-то ещё утром и посадил этот синяк. – Меня укусил муравей.

- Ну вот, - мама подошла к нему и, наклонившись, нежно поцеловала его в рыжую макушку. Никлис поморщился и показал ей руку.

- Чешется? – она внимательно осмотрела вздувшийся укус.

- Немного, - отозвался Никлис.

- Нужно помазать соком горника, мигом пройдёт, - сказала мама. – Фильнара, принеси ещё соусницу, я сейчас.

- Ладно, - буркнула Фильнара. – Где тебя носило? Мама даже волноваться начала, потому что ты пропустил полдник!

- Мы охотились с моим другом, - заявил Никлис важно.

- У тебя же нет друзей, - фыркнула Фильнара, потрянув кудрями.

- Теперь есть!

- Не верю.

- Ну и не верь, коза ты такая!

- Осёл без копыт, вот ты кто! – парировала Фильнара.

- Я же попросила тебя принести соусницу, - сказала мама, возвращаясь из своей комнаты с баночкой и комком ваты.

- Сейчас, - Фильнара ускользнула на кухню, силясь избежать наказания за резкие слова.

Мама же, покачав головой, опустилась перед Никлисом на колени и, смочив вату голубоватым настоем горника, от которого сразу приятно запахло горной свежестью, прижала её, мокрую и холодную, к зудящей и горящей руке сына.

- Ой! – Никлис вздрогнул. – Ай, она жжётся... Ай!.. А-а..

- Довольно нытья, - произнёс Эльдар строго, поднявшись из своего кресла и сложив шуршащую газету. – Я, кажется, уже говорил тебе о том, что я не намерен терпеть твои стоны.

Никлис не отважился взглянуть на него, только уставился в пол, ожидая, чтобы гроза прошла мимо.

- А теперь марш за стол, - Эльдар положил два сильных пальца на его плечо и одним движением развернул сына лицом к столу. Никлис с ненавистью посмотрел на газету в руке отца, которая почти коснулась его щеки, и влез на свой стул.

Аннуиль разложила детям на тарелки картофельное пюре, брокколи и нарезанные кусочками мясные стейки с брусничным соусом. Никлис брезгливо отодвинул брокколи от пюре, на самый крайчик тарелки и отложил вилку, дожидаясь, когда отец произнесёт молитву. Когда все уселись за столом, Эльдар взял за руки жену и сына и благословил пищу, после чего все с радостью принялись за еду. Никлис едва ли мог придерживаться правил приличия, так страшно ему хотелось есть. Он только начинал учиться пользоваться ножом и, хотя кусочки мяса были довольно крупными специально для того, чтобы их разрезать на две меньшие части и тем самым учиться орудовать ножом, Никлис упихивал их в рот целиком, за что вскоре получил выговор от отца.

Наконец, на тарелке остались одни брокколи.

- Ник, зелень нужно есть, - сказала Мариэль наставительно.

- Да я знаю, - обиделся Никлис. – Но она не всегда вкусная!.. К тому же, бывает зелень нормальная, а это... какая-то скользкая...

- И ничего не скользкая, - ответила Мариэль.

Никлис не захотел с ней дальше спорить, он слишком сильно устал сегодня от разговоров. Внезапно в голову его возвратилась мысль об Орландо. Он всё бы съел и даже не заметил, что брокколи такие странные...

- У меня теперь есть новый друг, - сказал Никлис с очень серьёзным видом.

- Да ну? – фыркнула Мариэль.

- Да! – Никлис кинул на неё сердитый взгляд. Мариэль была старше его на добрых десять лет.

- Как же его зовут? – поинтересовалась Аннуиль. – Эль, положи ему ещё мяса, посмотри, какой голодный...

- Пусть сначала ест брокколи, - тихо отозвался Эльдар, чинно нарезаая свой стейк изящным поблёскивающим ножиком.

- Его зовут Орландо, - сказал Никлис, несколько обидевшись, что ему не хотят дать больше мяса.

- А фамилию ты его знаешь? – продолжила Аннуиль, но вот в глазах Эльдара мелькнул какой-то странный огонёк, когда он услышал имя мальчика, и Никлис не упустил этого.

- Нет, он не сказал... он вообще мало что говорил, он искал еду больше, он ест всякое разное, даже улиток! – улитки должны были произвести впечатление.

- Я надеюсь, ты не ешь всякую дрянь? – осведомился Эльдар, остановив вилку с дополнительным куском мяса для сына на половине пути.

- Нет! Ведь это так мерзко! – Никлис незаметно подставил ему свою тарелку, и эльф разрешил кусочек на части, устроив их рядом с брокколи.

- Только чтобы брокколи были съедены, - строго сказал Эльдар, взглянув сыну прямо в глаза. – Иначе больше не будешь получать добавок.

- Конечно, отец! – Никлис вцепился зубами в кусок стейка.

- Ну-ка, не делай так! Положи обратно, - приказал Эльдар.

Никлис со скучающим выражением лица вытащил кусок изо рта и уложил

обратно на тарелку. Эльдар поморщился, но продолжил:

- Возьми нож и вилку.

Никлис повиновался.

- Поменяй руки, вот так. Режь теперь.

Никлис разрезал кусочек и по частям отправил его в рот, на что Эльдар в знак одобрения удовлетворённо похлопал его по спине.

- Мама, а можно я завтра утром отнесу Орландо булочку?.. – спросил мальчик, осмелев от его похвалы.

- Не хватает ещё подкармливать попрошаек!.. – из голоса Эльдара пропало всё тепло.

- Орландо не попрошайка! – Никлис сердито взглянул на него. – У него нету отца, и они экономят на всём! Он просто очень хочет кушать!..

- Никлис Кетэроэ, если ты ещё раз повысишь на меня голос, я не пущу тебя больше в лес! – произнёс Эльдар.

Никлис шумно дышал носом от обиды и глаза его посверкивали от нанесённого оскорбления.

- Эль, ведь тебя тоже возмутило бы, если бы твоего друга обозвали столь низким словом, не сердись... - попросила Аннуиль.

- Моего друга больше нет, - тихо и холодно ответил ей Эльдар.

- Но это не значит, что ты должен быть столь безразличен к его чувствам! Эльдар покачал головой, но Никлис знал, что он не будет извиняться, и лучше всего будет не продолжать перепалки. Он вздохнул, прикрыл глаза и выровнял дыхание.

- Отец, я лишь хотел сказать, что Орландо не попрошайка... - произнёс мальчик. – Я не знаю почему, но мне кажется он не виноват... Можно я..?

Он не договорил и опустил голову под взглядом отца.

- Можно, Никлис, - сказал Эльдар. – Съешь брокколи.

Никлис поднял голову и с благодарностью и надеждой взглянул на него, но Эльдар не ответил на его взгляд, принялся за еду.

- Дорогой мой, но если твой друг действительно так голоден, то отчего бы тебе не позвать его завтра к нам на обед? – предложила вдруг Аннуиль с

тёплой улыбкой. Иногда Никлис задавался вопросом, как она не боялась Эльдара. Ведь она была такой маленькой и такой тонкой, какой магией обладала она, что Эльдар был не страшен ей?.. Мальчик глянул на отца, ожидая, что он добавит, но эльф ничего не сказал, только странно посмотрел на жену и получив укоризненный взгляд, продолжил свой ужин.

- Конечно, я могу пригласить его, - сказал Никлис, сглотнув. – Только, наверное, он не сможет прийти завтра, он, наверное, должен сначала подготовиться, а то он такой лохматый...

- Это совершенно не страшно! – заявила Аннуиль. – Я хочу посмотреть на твоего друга, какой он есть, лохматый или не очень.

- Хорошо, - Никлис со вздохом поглядел на брокколи.

* * *

В тот вечер Никлис особенно много думал об Орландо. Даже когда они играли с Фильнарой после ужина, а потом читали книгу Жизни – они всегда собирались по вечерам в гостиной, и отец читал им книгу Жизни. Никлис не мог вспомнить, когда эта традиция началась, кажется, она всегда существовала, и ему в голову не приходило, почему книга Жизни никогда не заканчивалась, отец читал её всегда. Но сегодня мысли Никлиса были сосредоточены не на книге, – они вообще редко были сосредоточены именно на ней – а на Орландо. Мальчик думал, что такого странного и притягательного было в его новом друге. Орландо не был похожим ни на какого другого юного эльфа, какого Никлису приходилось встречать. Никто не реагировал на его слова так непредсказуемо, и никто ещё не отзывался на его мысли без насмешки.

Обычно, взрослые умели разговаривать спокойно, не принося Никлису неприятных ощущений о том, что его фразы как-то смешно звучат, большинство же детей в его кругу поступали иначе, и часто Никлис начинал подражать им и отвечать насмешками на их насмешки. Он от природы обладал вспыльчивым, резким характером, но так же от природы ему досталось умение самоконтроля. Однако, это последнее умение имело вид ростка, проклюнувшегося из земли, и Никлис ещё не понял, как правильно им

пользоваться. Орландо заставил его резче ощутить этот росток, это желание контролировать свои порывы. Одни искренние слёзы и признание Орландо в том, что он не умеет дружить, вызвало в Никлисе это чувство. Он ощутил укол совести за резкость своих слов, и ему захотелось быть сдержаннее, тогда как с Фильнарой, например, ему никогда не становилось стыдно за свою вспыльчивость и грубость своих слов.

* * *

Подравшись с Фильнарой за свою очередь чистить зубы и умываться, Никлис наконец натянул пижаму и залез под своё одеяло. Его постель стояла у правой стены комнаты, напротив неё расположилась кровать Фильнары. Когда она вошла в спальню, неся с собой зажжённую свечу, он притворился, что она ужасно мешает ему спать и накрыл голову одеялом, но не смог усидеть спокойно даже и минуты и вскоре высунулся обратно. К тому же, под одеялом было ужасно душно. Фильнара поставила свечу у своей постели и стянула лоскутное покрывало. Через несколько мгновений вслед за ней вошла Аннуиль, поставила маленький ночничок в их комнате, чтобы им не страшно было в густой темноте ночи, задёрнула шторы и ласково поцеловала их обоих на ночь.

Пока Эльдара не было рядом, Никлис чувствовал себя гораздо спокойнее в обществе мамы и даже мог позволить себе ответить на её ласку. Ему нравилось, обвив руками её тонкую нежную шейку, уткнуться в её тёплое сладко пахнущее платье и слушать, как она рассказывает сказку или поёт им колыбельную. Даже Фильнара порой могла быть менее ласковой чем он, однако признаться в этом Никлис считал преступлением. Мама ушла через четверть часа, пожелав им доброй ночи и затушив свечу Фильнары. Несколько мгновений они лежали в темноте, прислушиваясь к шорохам дома и негромким голосам домочадцев за стенами, а потом Никлис тихонько шикнул:

- Пш-ш, Фильнара!..

- Чего тебе? – она приподняла свою курчавую голову над подушкой.

- Хочешь чего покажу?

- Ну?

Никлис выскользнул из-под одеяла, бесшумно метнулся по ковру, лавируя среди раскиданных повсюду игрушек и нырнул в её постель, скрывшись под покрывалом. Здесь, в безопасности, он улёгся рядом с сестрой и деловито продемонстрировал ей свою левую руку, на которой был кусочек запёкшейся крови с длинной царапиной, тянущейся от него.

- Это меня укусил бурундук! – заявил Никлис торжественно. – Они оказывается такие твари. Я его за шкуру схватил, а он как рванётся и как меня укусит...

- Нашёл чем гордиться, - произнесла Фильнара, но в голосе её была зависть, потому что её бурундуки ещё никогда не кусали. Она была слишком маленькой, чтобы ходить в лес одной, а вместе с Никлисом она не всегда хотела ходить. Даже если они и отправлялись в эти приключения вместе, Фильнаре никогда не доставалось столько необычайных происшествий сколько Никлису. Он был мастером попадать в странные ситуации, как например в ситуацию с бурундуком.

- А ты попробуй бурундука поймать, - обиделся Никлис. – Руки переломать можно.

- Да я знаю... а этот твой друг новый, Орландо, он какой? – поинтересовалась Фильнара, ковыряя пальцем пуговицу на подушке.

- Орландо?... Он странный, - сказал Никлис, задумчиво наблюдая за ней.

- Мне можно будет с ним играть, если он придёт к нам в гости? – спросила она.

- Не знаю, наверное. Только с ним очень сложно играть, он всё время есть хочет, - пояснил Никлис. – И всё время хочет играть в добывание еды.

- Хм, - Фильнара заёрзала, легла на спину и уставилась в потолок. – А ты сделаешь завтра ещё корабликов из скорлупы? Я её насобирала сегодня под каштаном у нас в деревне.

- Ага, я тоже нашёл хорошие, - Никлис улёгся на спину рядом с ней. – Ты тогда носовые платки ещё нарежь, я паруса из них сделаю.

- У меня только все палочки закончились, - сказала Фильнара. – Для мачт.

Brent
2013

- Хм... Я завтра попробую найти, - предложил Никлис. – В лесу настругаю.

- У тебя даже ножа нет, - заметила Фильнара.

- Неправда, есть, - Никлис выкатился из-под одеяла, переполз через ковёр и засунул руку под кровать. Вытащив наружу свою корзинку с грязным бельём, он выудил из кармана штанов крошечный складной перочинный ножик, уже почти тупой. Он нашёл его на берегу реки, совсем покрытый ржавчиной. Кто-то из рыбаков забыл его в камнях у воды, после чистки рыбы, и ножик достался Никлису. Он оттер его и снял ржавчину, насколько мог, заточил на камешке и стал использовать.

- А-а, так это ж не нож, это кусок железа какой-то, - фыркнула Фильнара.

- Как будто у тебя есть лучше! – оскорбился Никлис.

- Папа тебе, наверное, ножик подарит на рождество, - заметила Фильнара.

- Думаешь?

- Ну да, тебе уже девять ведь, - сказала Фильнара.

- Ножики обычно, когда десять исполняется дарят, - Никлис вздохнул и улёгся обратно на кровать рядом с сестрой. – Отец, наверное, боится, что я кого-нибудь им зарежу, если у меня будет настоящий нож. Такой, чтобы показать не стыдно было.

- Ты можешь! – усмехнулась Фильнара.

- Ты что думаешь я такой сумасшедший?! – возмутился Никлис.

- Ну кто тебя знает, - Фильнара фыркнула. – Давай спать.

- Я не хочу спать, - горделиво заметил Никлис.

- У тебя глаза слипаются, - заметила Фильнара и ткнула его в кончик носа. От возмущения Никлис весь дёрнулся, взмахнул одеялом и скатился с кровати на пол.

- Ну и спи, - он забросил край одеяла обратно на постель. – А я ещё читать буду.

Фильнара что-то буркнула ему в ответ, подбирая под себя всё своё одеяло и формируя неопределённый мягкий комочек. Никлис залез в свою прохладную постель, достал из корзинки книгу и принялся читать в слабом свете лампы. Читал он, конечно, ещё по слогам, шёпотом произнося каждое

слово, а потому чтение отнимало у него уйму сил и внимания. Теперь же он только шевелил губами, а сам косился на сестру, чьи зелёные глаза с недоверием светились из-под одеяла. Наконец, ей надоело наблюдать за братом, и она отвернулась. Никлис же решил на самом деле прочитать свою страничку, но на второй строчке глаза у него совершенно закрылись, и он упал щекой на раскрытую книгу.

Через несколько минут дверь в их спальню беззвучно приоткрылась, и Аннуиль, ступая легко, словно фея, скользнула по полу к кроваткам детей. Она осмотрела их нежным взглядом, бережно подправила одеяло Фильнары, а потом незаметно вытянула книжку из-под головы сына и подоткнула одеяло и под него. Никлис даже не заметил её движений, он был слишком утомлён сегодня, чтобы обратить на это внимание.

Часть II

Blue A
2023

Часть Вторая

Музыка

Никлис бежал через лес со всех ног, шумно вдыхая полную грудь влажного и запашистого утреннего лесного воздуха. Он мчался и едва успевал переставлять ноги, так быстро несло его тело. Наконец, он оказался на поле и помчался под тёплыми лучами ещё ласкового летнего солнца по парящей скошенной траве, от которой поднимался густой душный запах, щекотавший нос. Никлис бежал через поле, спотыкаясь в рытвинах и ямках, запинаясь за особенно пышные охапки подсыхающей соломы и не в силах отдышаться из-за этого горячего запаха травы.

Наконец, он скользнул через крохотную рожицу и сбежал вниз по откосу к реке, скользя по осыпающемуся песку берега. Здесь, задыхаясь и захлёбываясь воздухом, он остановился, упёрся руками в колени и принялся жадно глотать ртом воздух, чтобы отдышаться. Наконец, он поднял голову. Орландо сидел прямо перед ним на песке, уронив руки и повесив голову, и плакал. Никлис собрался с духом, утёр вспотевшее лицо и зашагал к нему.

- Ну, чего ты ревёшь как девчонка? – произнёс он вместо приветствия.

- О! – выдохнул Орландо, обернувшись и глядя на него опухшими красными глазами. – Как здорово, что ты пришёл! Я думал, ты никогда больше не придёшь! И что я никогда не увижу булочки!.. О я так расстроился, что мне так и не удастся попробовать булочку ещё разок!..

- Ты хныкал из-за булки? – удивился Никлис.

- Булочки! – поправил Орландо в бессильном праведном гневе. – У меня голова болит. И я не завтракал. Как обычно.

- У тебя голова каждый день болит что ли? – поинтересовался Никлис.

- Почти, - признался Орландо. – Особенно когда я не завтракаю. У меня нет сил, вот она и болит. О-о! Как она болит!..

Он снова подобрал какой-то камень из реки и приложил его ко лбу.

- А почему ты не пришёл в девять, как мы собирались? – спросил мальчик, снова обернувшись и глядя на Никлиса из-под своей остриженной русой чёлки. – Ты проспал?..

- Я-а, нет я завтракал, - это было полуправдой. Никлис на самом деле не мог уйти из дома без завтрака, да и родители не отпустили бы его так сразу, хотя он и проспал до девяти и опоздал на встречу со своим другом.

- Ты так долго завтракаешь? – удивился Орландо, разглядывая его. – Так вот почему ты такой мягкий и так плохо бегаешь...

- Чего?! – Никлис вытаращился на него.

- Ну.... Ты такой... ты как маленький щенок, мяконецкий, и бегаешь так же, нескладно как-то... и... - Орландо замялся, опасливо поглядывая на сжавшиеся кулачки своего новоиспечённого друга.

- Прекрати сейчас же, не то я тебя поколочу! – выпалил Никлис, задыхаясь от нанесённого оскорбления. – Ты самое настоящее куриное крылышко со своей костлявостью!..

Он замер, шумно втягивая носом воздух.

- Прости, - выдохнул Орландо. – Прости, я не хотел!.. Я просто... сказал правду...

Никлис краем глаза оглядел себя и, к своему огорчению, убедился, что Орландо был прав. Тонкостью телосложения он не отличался, особенно по сравнению с другими мальчиками-эльфами и уж, конечно, по сравнению с Орландо. Этот вообще был одна кожа да кости. Никлис не один раз получал в свой адрес насмешки по поводу нескладности своей фигуры, не раз дрался по этому поводу, но отбиться полностью от этих насмешек он не мог. Орландо всё ещё испуганно глядел на своего друга, ожидая, что его на самом деле поколотят, но росточек самоконтроля в душе Никлиса пересилил всё остальное, и он перестал пыхтеть от ярости.

- Ладно, прощаю, - буркнул он, разжимая руки. – К тому же... ты не виноват. Это просто... я такой.

Орландо поглядел на него с уважением.

- А ты благородный, - заметил он. – И смелый. Я бы не смог так сказать.

Никлис был польщён и невольно даже заулыбался от удовольствия, выпятив грудь колесом.

- Только иногда очень уж... вспыльчивый, - Орландо нашёл подходящее

слово, и Никлис снова хотел обидеться, но решил, что не стоит. Он обнаружил подходящий ответ на это слово:

- Я рыжий.

- Ага, - согласился Орландо и вздохнул, поменяв мокрые камни из реки на своём лбу.

- Ты знаешь... я не принёс булочки, - заметил Никлис негромко. Орландо глянул на него печально и протянул с тоской в голосе:

- Жа-алко...

Никлис чувствовал, что ещё чуть-чуть и это несчастное существо разразится потоком слёз, а потому он поспешил с утрированной радостью воскликнуть:

- Но зато я приглашаю тебя в гости! Обедать!

Орландо вытаращился на него, даже забыл про свой камень, опустил руки и приоткрыл рот.

- Меня? На обед? Ой! - Орландо с такой поспешностью принялся мочить в воде руку и приглаживать волосы на голове, что сам чуть не грохнулся в речку.

- А ты интеллигент? – спросил он вдруг.

- Чего? – не понял Никлис.

- Ну, твои родители разговаривают об искусстве? Обсуждают стихи?

Покупают картины домой? – спрашивал Орландо.

- Вроде да, - Никлис припомнил пару картин на стене в гостиной и вечера, когда папа читает маме стихи какого-то знаменитого поэта.

- Я так мечтаю поговорить о картинах! Я так люблю рисовать! Честно сказать, у меня нет бумаги, потому что она дорогая, но я рисую на бересте и кленовых листьях. Знаешь, как это сложно! – заметил Орландо.

- На кленовых листьях? – удивился Никлис.

- Они такого же цвета, как твои волосы, - Орландо прищурился. – Я тебя нарисую завтра... у меня нет оранжевой краски, а листья и так оранжевые. Он помолчал, потом сказал:

- Как ты думаешь, твои мама и папа не прогонят меня, если я приду в этой одежде?

- Мама сказала, что ты должен прийти в чём есть, - ответил Никлис. – Без разницы, хорошая это одежда или так себе.

- Ух, хорошо, - выдохнул Орландо.

* * *

Утащить Орландо от реки оказалось очень непросто. Во-первых, у него так и не проходила голова, и он был вялым и расстроенным, а во-вторых, он очень хотел привести себя в порядок, хотя было очевидно, что все попытки его тщетны. Выглядеть лучше, чем он уже выглядел в своей драной одежде и с растрёпанными волосами в данном случае было попросту невозможно. Он пригладил водой волосы и умыл всегда перепачканное лицо, а потом они пошли вдвоём бродить по лесу. Орландо казался таким взволнованным и больным от мигрени, что даже не слишком интересовался всякими корнями и желудями. Никлиса это крайне удивило, но он не был против такого нового Орландо. Только очень уж этот новый Орландо ныл.

Он хотел сесть или лечь буквально везде, где получалось, часто останавливался попить воды из ручья или выжать пару капель себе на язык из плотного мха, что толстым слоем покрывал лесную землю. Никлису это быстро надоело, и он согласился вернуться к реке. Это вдохновило Орландо, ноги его перестали подкашиваться, и он проворно побежал через лес назад, Никлису оставалось только удивляться и негодовать. У реки они сидели около часа. Орландо совал лицо в воду, тёр себе виски и переносицу, пытаясь избавиться от мигрени, ел какие-то водоросли, которые он посчитал полезными при головной боли, и, наконец, продолжал свои жалкие попытки исправить свой ободранный внешний вид.

Наконец, подошло время возвращаться к обеду, Никлис всегда знал, когда оно наступало по тени, что отбрасывала сосна, растущая у самого берега реки и по урчанию в собственном желудке. Никлис объявил, что им пора, и Орландо, молчаливый и сосредоточенный, оставил в покое речную воду и отправился вслед за ним вверх по откосу и через поле в направлении деревни.

- Страшно... - прошептал Орландо.

- Почему? – удивился Никлис.

- Я же никогда не видел твоих родителей?.. А если я им не понравлюсь, и они меня выгонят?.. – Орландо поднял на своего друга большие от испуга лавандовые глаза.

- Они тебя не выгонят, они не злые, - отозвался Никлис, вглядываясь в это глаза.

- Меня люди не любят обычно, - заметил Орландо. – Твой дом далеко в деревне?

- Не очень, а почему тебя не любят? Меня не любят, потому что я со всеми дерусь, - Никлис деловито усмехнулся.

- Дразнят, - пояснил Орландо. – И гоняют. Я ведь маленький, меня легко обидеть. Я плачу, а они смеются...

- Я не дам им над тобой смеяться! – заявил Никлис, петушась. – Они не посмеют тронуть моего друга!

- Хорошо, - выдохнул Орландо.

- Мой отец, - Никлис мгновенно утихомирился и виновато глянул на него. – Он не очень приветливый. Он всегда такой печально-мрачный, ты не думай, что он так из-за тебя. А ещё у него всегда газета. Он ею от нас закрывается. Садится и читает или говорит, что читает, а сам просто от нас прячется!.. ненавижу я эту газету!..

Орландо снова поднял на него взгляд, но на сей раз выражение его было иным.

- Тебе твой папа не нравится?

- Нет, - признался Никлис. – У всех отцы как отцы, всё что-то с ними делают, а мой отец только книжки меня читать заставляет и ещё есть правильно учит, и всё! Я просил его поиграть со мной, а он не хочет. Говорит у него дела, а сам садится читать эту газету! Я хотел, чтобы он меня драться и стрелять из лука научил, но это он тоже не хочет... Вот дядя Эйнар хороший, он к нам в гости приезжает и всему меня учит! Он даже научил меня разводить огонь! Со стёклышком, и со спичками, и даже с прутиком! Он сказал, что я скоро научусь разжигать огонь прямо руками! Он мне показывал, как это, и это так

здорово!..

- Руками? – не поверил Орландо.

- Ага, - Никлис сиял.

- А он твой прямо дядя или ты его просто так называешь? – поинтересовался Орландо, хотя Никлис не сомневался, что он забудет об этом через минуту.

- Дядя. Он самый старший брат моего отца, - пояснил мальчик. – У них много братьев и сестёр. Целых десять.

- Ого, - удивился Орландо. – А у меня нет ни дяди, ни тёти.

- У тебя вообще кто-нибудь есть, кроме мамы и сестёр? – Никлис поглядел на него с усмешкой, но в то же время с сочувствием.

- Нет, - Орландо вздохнул. – Есть какой-то родственник, мама говорит, он седьмая вода на киселе, не знаю, что это такое. Мы с ним почти не видимся, он странный. Он музыку делает. Я тоже люблю музыку делать. Я петь могу. И он воспроизвёл несколько чистых, пространных нот, прорезавших жаркий летний воздух. Никлис поглядел на него с восхищением и удивлением.

- Кажется, у меня есть какие-то двоюродные тёти и дяди, - вспомнил Орландо. – Но они тоже какие-то странные и тоже вода с киселя, как мама говорит. Мы с ними не общаемся совсем.

- А ты так здорово поёшь! – не выдержал Никлис,

- Спасибо, - пробормотал польщённый Орландо. – О! Ещё у меня есть троюродные сёстры, кажется! Но они...

- Также странные? – перебил его Никлис, смеясь.

- Да, - подтвердил Орландо. – И ещё троюродный... нет, четвероюродный брат, кажется, тоже странный.

Тут оба замолчали, поскольку впереди лежала пыльная улица деревни.

Никлис оглянулся на своего друга, а потом с важным видом зашагал по дороге вперёд, утопая в мелкой тёплой пыли по самые щиколотки. К счастью, сегодня им повезло избежать всех своих уличных врагов, поскольку время было обеденное, и все были загнаны домой. Пробравшись по нескольким раскалённым на солнце переулкам, друзья оказались на знакомой длинной улице, вдоль которой стояли красивые высокие дома.

- Ого... - протянул Орландо. – Ты тут живёшь?..
- Да, - Никлис указал рукой на дом, притаившийся в тени сада, в трёх десятках шагов от них вдоль по улицы. – Вон там.
- О... - только и смог произнести Орландо. – Я сюда даже не заходил никогда... Здесь страшно, вдруг меня все прогонят?
- Тебя никто не собирается прогонять, пошли, - Никлис взял его за тонкое запястье и потянул за собой к беленькой калитке своего сада. Орландо покорно засеменил за ним. Никлис отпер калитку, и они вошли в сень великолепных яблоневых, грушевых и вишнёвых деревьев, где вкусно пахло палой листвой и где цвели какие-то пышные тенелюбивые кусты, разбрасывавшие по бежевой песчаной дорожке свои красные и белые лепестки. Наконец, они поднялись на небольшое высокое крыльцо, и Никлис отворил тяжёлую входную дверь с витражным окошком.
- Меня точно не прогонят?.. – прошептал Орландо.
- Нет, - Никлис втянул его в просторный коридор, где аккуратными рядами на этажерочках стояла обувь, а на крючках на стене висели длинные плащи.
- Ого, сколько у вас ботинок, - прокомментировал Орландо, с любопытством и восхищением разглядывая целые батареи разноцветных туфельек Аннуиль и её дочерей.
- Мои все тут стоят, - Никлис указал на уголок, где пристроились его высокие зимние сапожки и пара маленьких городских ботиночек, тщательно начищенных и слегка мерцавших в густой темноте коридора. Стянув с ног летние сапоги, Никлис поставил их, пыльные и покрытые царапинами, рядом с зимними ботинками. Орландо вздохнул и, поглядев на свои босые ноги, пошевелил пальцами и спросил:
- А ничего, что мне не снять обувь?.. Меня...
- Не прогонят тебя!.. Всё хорошо, - Никлис снова взял его за запястье и потянул за собой в гостиную. Орландо в ужасе спрятался за его спиной.
- Мама! – воскликнул Никлис, пересекая гостиную и останавливаясь в проходе на кухню. Здесь стоял густой, опьяняющий аромат щей, булочек и ржаного хлеба. Мама вышла из кухни, на ходу вытирая руки об фартук.

Орландо в отчаянии схватился руками за плечи Никлиса и уставился на неё широко распахнутыми сиреневыми глазами.

- Добро пожаловать, Орландо, - произнесла Аннуиль, с улыбкой наклоняясь и протягивая руку. – Очень приятно с тобой познакомиться.

Орландо задрожал, ещё крепче сжимая руки на плечах Никлиса, так что тот невольно даже вскрикнул.

- У тебя всё хорошо, дорогой? Ты такой бледный, - заметила Аннуиль, с тревогой разглядывая Орландо. Тот пошатнулся, вздохнул и медленно сел на пол. От неожиданности Никлис вздрогнул и обернулся, а Орландо, закатив глаза, упал, и его голова глухо стукнулась об пол.

- Орландо! – хором воскликнули Аннуиль и Никлис. Орландо же вытянулся на голых половицах, маленький, жалкий и серый от бледности. Опешившая Аннуиль метнулась к нему, подхватила его голову и принялась тереть за уши и щеки, пытаясь привести его в чувство. Никлис тем временем ощутил как на глаза ему наворачиваются слёзы. Отчего-то это несчастное существо, так беспомощно упавшее перед чрезмерным волнением, глубоко тронуло его сердце.

- Чего же ты стоишь?! – воскликнула мама. – Принеси мне чашку воды! Никлис повернулся и молча бросился исполнять приказание. Он примчался обратно через полминуты, расплескав по дороге половину воды. Аннуиль забрала чашку и быстренько смочила личико Орландо. Только тогда он пришёл в себя.

- О-ой, - застонал он, едва открыл глаза. – Простите меня... вы меня не прогоните?..

- Что? – изумилась Аннуиль.

- Никто тебя не прогонит, дурень! Но ты зачем в обморок-то упал?! – Никлис прыгнул к другу на пол и схватил его за плечи.

- Никлис, что за выражения?! – возмутилась Аннуиль, а Орландо, испуганный и виноватый, но согретый порывистыми объятиями друга, тихонько выдал:

- Прости пожалуйста... Я не хотел...

- Ничего, - Никлис отпрыгнул от него, встал и быстренько стёр со щеки

ускользнувшую слезу. – Пошли обедать.

Он протянул Орландо руку. Тот виновато взял его ладошку и встал. Мама погладила его по плечу.

- Так ты Орландо? – спросила она ласково, склонившись к мальчику.

- Да, Орландо, - Орландо тихонько подал ей ладошку, и она вежливо пожала её.

- Меня зовут Аннуиль, - произнесла она, всё так же тепло улыбаясь. – Суп уже на столе, поэтому садитесь. Ты можешь сесть рядом с Никлисом, девочки подвинутся.

- Девочки? – переспросил Орландо удивлённо.

- У меня две сестры, я ж тебе рассказывал, - напомнил Никлис.

- А, точно, - Орландо подошёл к другу поближе и осторожно прислонился к его плечу, испуганно косясь на всё вокруг. Внезапно где-то в стороне прошелестела газета, и Эльдар, поднявшись из своего кресла, подошёл к дверям кухни, рослой серой тенью остановившись перед мальчиками. Он был одет как и обычно в свой длинный серый камзол с простенькими застёжками, тёмно-серые штаны и домашние туфли, но сегодня, в честь гостя, он вместо обычного ремешка повязал на пояс серебристый шёлковый кушак.

- Добрый день, - произнёс эльф и, наклонившись, осторожно коснулся двумя пальцами тоненького плечика Орландо. – Рад встрече.

Орландо только испуганно глядел на него большими сиреневыми глазами.

Эльдар быстро посмотрел в его личико, а потом вдруг отвернулся и, направляясь к столу, произнёс:

- Садитесь.

Никлис пожал плечами, потом взял до смерти напуганного Орландо за руку и повёл его к столу. Забравшись как обычно на своё место, по правую руку отца, напротив мамы, Никлис предложил Орландо сесть на стул рядом.

Орландо послушно влез на высокую сидущку и виновато покосился на сумрачного Эльдара. Аннуиль вскоре вернулась с кухни и поставила на стол большую, ароматную супницу, расписанную зелёными красками. Она сняла крышку, и к потолку взвился густой, горячий пар.

- О-о, - вдруг выдохнул Орландо. – Я никогда не видел таких больших площадок... И так много пара...

Аннуиль с сочувственно-понятливым выражением лица переглянулась с Эльдаром, и Никлис почувствовал себя в ещё большем замешательстве. Всё это выглядело очень странно. Орландо явно понимал его беспокойство по этому поводу, а потому он повернулся и честно спросил:

- Ты за меня боишься или за маму с папой?

Опешивший от такой фразы Никлис вытаращился на него, потом ответил:

- Ни за кого не боюсь. Зачем мне бояться?

- А, ладно. А какой это суп? – поинтересовался Орландо, вытянув шею.

- Щи с говядиной, - сказала Аннуиль с улыбкой и поставила перед ним полную тарелку. В этот миг сверху донеслись голоса, и Фильнара и Мариэль сбежали вниз по лестнице. Мариэль отряхнула своё шелестящее платье, цокнула, обнаружив, что Никлис опять не переоделся перед едой после леса, и, гордо закинув голову, отправилась на своё место. Фильнара же остановилась и с любопытством уставилась на Орландо.

- А тебе сколько лет? – спросила она, подойдя поближе.

- Восемь, - пробормотал Орландо. – А тебе?

- Мне уже семь, - радостно объявила Фильнара.

- А как тебя зовут?

- Фильнара, - она протянула Орландо руку. – А ты Орландо, Ник так сказал.

- Ага, - Орландо покосился на её руку, потом пожал самые кончики пальцев. – Я думал ты маленькая.

- Она просто сильная, - заявил Никлис важно. Фильнара довольно улыбнулась и побежала на своё место. Едва она уселась, Эльдар протянул руки жене и сыну, и Никлис в свою очередь взял за руку Орландо. Тот недоуменно поглядел на них, но возражать не стал, дождался, чтобы Эльдар произнёс молитву, а потом тихонько заметил:

- Мы никогда почти за руки не держимся, но мама всегда молится, когда она дома.

- Это хорошо, - одобрил Эльдар, уловивший его слова, и Орландо снова

испуганно передёрнул плечиками.

- Ешь столько сколько сможешь, - ласково заметила Аннуиль. – Скажи, если захочешь добавки.

Орландо молча принялся за еду, и глаза его восторженно расширились после первой ложки супа.

- Настоящий суп с мясом, бульоном и капустой, да ещё и горячий! – восхитился он так искренне, что Аннуиль радостно заулыбалась, а Никлис недоверчиво поглядел на своего друга.

- Какой замечательный суп! – Орландо толкнул друга локтем и посмотрел на него, ожидая такого же восторга.

- Обычный нормальный суп, - сказал Никлис. – А ты не такой ешь?

- Не-ет, у нас суп обычно из варёной картошечки и морковки, иногда в нём есть лук, и, если мама может купить курочку, она кладёт и её, - пояснил Орландо, вылавливая мясо ложкой.

- Хм, - Никлис поглядел в свою тарелку.

- То есть, твоя мама никогда не варила такой суп? – спросила Аннуиль вкрадчиво. Орландо поднял на неё свои сиреневые глаза и долго смотрел на неё в упор, заставив её отвести взгляд.

- Моя мама варит вкусную еду, - сказал Орландо холодно и тихо, словно его оскорбили. – Даже если её мало или в ней мало ингредиентов.

- Конечно, конечно! – воскликнула Аннуиль с виноватым видом. – Ты так восхитился, мне было интересно.

Орландо принялся за еду, ничего не ответив, и Никлису оставалось только удивляться его поведению.

* * *

После обеда и чая с булочками, которые восхитили Орландо ещё больше, чем суп, Никлис, Орландо и Фильнара убежали в гостиную, потому что Орландо очень хотелось посмотреть на книги, которые хранились на стеллажах дома Кетэроз. Мальчик долго разглядывал корешки, потом изучал картины, расставленные на полках и развешенные на стенах, а потом заметил на самой верхней полке потёртый старенький футляр для скрипки.

- Что это? – спросил он Никлиса, указав на футляр.
  - А, это скрипка отца, - фыркнул Никлис. – Она всегда там лежит.
  - Скрипка?.. – прошептал Орландо с расширившимися глазами. – Настоящая скрипка?..
  - Ну да, - Никлис кинул взгляд на полку. – Отец играет на ней иногда.
  - О-о-о, - протянул Орландо и, обернувшись было обратно к кухне, обнаружил, что Эльдар стоит подле него в гостиной и молчаливо наблюдает за происходящим.
  - Орландо очень здорово поёт! – заметил Никлис, тоже увидев его. – Очень!
  - Правда? – Эльдар взглянул на маленького друга его сына. Орландо смотрел в пол.
  - Ты любишь музыку? – тихо спросил эльф. Орландо посмотрел в окно, потом на него и вздохнул:
  - Люблю.
  - Ты на чём-нибудь играешь? – поинтересовался Эльдар.
  - Ну, - Орландо снова покосился на него. – На флейте.
  - О, я тоже играю на флейте! – обрадовался Никлис. – Отец говорит, что это полезно, уметь играть на флейте!
- Орландо только посмотрел на него, явно взволнованный из-за присутствия Эльдара.
- Принеси твою флейту, - предложил тот. – Орландо покажет нам свои умения.
  - Нет, - отозвался Орландо, и Никлис, рванувшийся было к лестнице, остановился. – Я не люблю играть, когда смотрят. Не получится.
  - Никто никогда не видел, как ты играешь? – удивился Эльдар.
  - Видели. Сестры и мама. Но я не играю для других, - сказал Орландо. – Это моё.
  - А ты поешь для других? – спросил Эльдар негромко и опустился в кресло.
  - Петь да, пою я для всех, - радостно заявил вдруг Орландо. – Деревья очень хорошо меня слушают.
  - Но деревья не могут сказать тебе насколько хорошо ты поёшь, - заметил

Эльдар.

- Именно! – Орландо сиял.

- А что ты поёшь деревьям?

- Много чего. Например, сказку о Диких Ветрах! – и Орландо, вытянувшись и запрокинув голову, раскрыл рот, вдохнул поглубже и вдруг запел пронзительным, чистым и сильным голосом так, что у Никлиса мурашки по спине побежали. Его голос был неуёмен, просторен и звонок, как стекло. Он звучал без остановки, перетекая из ноты в ноту, слов было не разобрать, но слова и не нужны были, дикие ветра звучали и без них с поразительной отчётливостью. Это представление продолжалось не дольше минуты, но, когда Орландо кончил и раскрыл глаза, Эльдар смотрел на него с изумлением и уважением, каких Никлис никогда прежде не видел в его глазах по отношению к тем, чьё пение ему доводилось слушать.

- Ты говоришь, тебя мама учила петь? – спросил эльф тихо, слегка подавшись вперёд.

- Нет, петь я сам учился, мама только немножко помогала, - пояснил Орландо.

– Понимаешь, есть звуки чистые, а есть не чистые. Одни хорошо звучат, другие плохо, и это ведь сразу понятно. Достаточно лишь спеть хорошие звуки в правильной последовательности и получается музыка!

Беззвучно Эльдар поднялся, протянул руки и осторожно снял с верхней полки футляр со скрипкой. Опустившись обратно, он расстегнул пряжки и поднял крышку. Скрипка, небольшая и блестящая, тихо лежала, утонув полированными бочками в мягком красном бархате подкладки. Длинные и точные пальцы Эльдара достали инструмент, опустили футляр, и он тронул струну, проверяя строй. Орландо смотрел на него широко раскрытыми, восхищёнными глазами, и не мог оторвать взгляда от рук эльфа. Подтянув колок, Эльдар осторожно пристроил скрипку на плече, его длинные тонкие пальцы легли на смычке, и он воспроизвёл протяжную, долгую ноту.

- Слушай внимательно, - сказал эльф, пристально глянув в полные обожания глаза мальчика. – И когда я кончу, спой то, что услышишь.

Он снова занёс смычок, и нота вылилась из скрипки длинным звуком. Когда

рука его остановилась, внимательно слушавший его Орландо выпрямился поднял голову и звонко спел ту же самую ноту. Эльдар сыграл другую, и Орландо повторил и её в точности.

- Ты знаешь ноту ля? – спросил эльфийский лорд, с тревогой и интересом разглядывая маленького болезненного мальчика, стоявшего перед ним на ковре.

- Нет, я не знаю нот, - сказал Орландо, отвернувшись и глядя в окно.

- Вот, как она звучит, - смычок скользнул по струне. – Запомнил?

- Ага.

- А теперь посмотри на меня, - попросил Эльдар. Орландо повернул голову.

- Возьми, - он подал мальчику скрипку. Наблюдая, как он показывает Орландо как правильно взять гриф и смычок, как пристроить подбородок, Никлис чуть не лопнул от зависти. Ему никогда в жизни не давали даже подержать скрипку в руках! А тут какому-то ободранному Орландо её вручают так, словно это ничего не значит!

- Найди ноту ля, - попросил Эльдар. Орландо поглядел на струны, его глазёнки счастливо блестели. Он потрогал одну струну, другую, третью, слегка подёргал их, послушал, потом стал двигать пальцы вверх и вниз по грифу и, наконец, радостно объявил:

- Вот!

Струна зазвучала чисто и звонко.

- Замечательно. Теперь найди ля, только на октаву выше, - сказал Эльдар.

Орландо недоумённо поднял брови. Эльдар вздохнул.

- Закрой глаза.

Орландо зажмурился.

- Вот ля на октаву выше, - сказал Эльдар, зажав пальцем струну на грифе и ласково тронув её другой рукой. – Найди.

Орландо стал снова скользить пальцами по струнам, дёргая то одну то другую, пока не нашёл вторую ля.

- Нашёл! – радостно сообщил он.

- Очень хорошо. Снова найди ля октавой ниже, - потребовал Эльдар, и

Выщ А
202

Орландо послушно скользнул пальцем по струне вверх, и безошибочно зазвенела в воздухе ля.

* * *

- Твой папа такой классный! – радостно заявил Орландо, когда они вышли через калитку на полупустую улицу. – Он дал мне поиграть на настоящей скрипке! Это так здорово! Ты, наверное, на ней часто играешь, да? Ведь если твой папа так здорово играет он и тебя должен был учить!..

- Заткнись! Вот просто заткнись! – оборвал его Никлис. Орландо остановился и испуганно вытаращился на него.

- Что я такое сказал? – спросил он недоумённо. Никлис посмотрел на него с искренней злостью и завистью в глазах, а потом зашагал вперёд, и Орландо поспешил вдогонку.

- Что я сказал, Лис? Что я сказал? Я такой ужасный друг, я тебя опять обидел! Пожалуйста, прости, просто скажи, что я не так сделал! – восклицал он, запинаясь в густой пыли.

- Я сказал тебе заткнись! – огрызнулся Никлис снова.

- Что ты такой грубый? Что я сделал тебе?! Чего тебе от меня надо?! – испуганно вскрикнул Орландо и остановился. Никлис обернулся. Он долго смотрел в маленькое большеглазое личико Орландо и лишь шумно дышал. Потом гнев его понемногу улёгся, и он решился довериться:

- Мой отец никогда не даёт мне играть на его скрипке. Я ни разу в жизни даже не трогал её, мне нельзя.

Он поджал губы. Орландо раскрыл рот и посмотрел на него с таким сочувствием и жалостью в глазах, что Никлиса это несколько тронуло.

- Почему?! – воскликнул он.

- Я не знаю! – заявил Никлис. – Отец никому не даёт! Он только тебе дал, и я не знаю, почему! Совсем не знаю. Я тоже хочу, всегда хотел, но мне нельзя и точка.

- Но ведь скрипка такая красивая! И так хорошо звучит! Ведь он не злой, твой отец, ведь он очень щедрый! Он просил тебя когда-нибудь спеть ноту ля? – спросил Орландо, задыхаясь от обиды за друга.

- Да, он занимается со мной на флейте. И учит меня петь, только у меня не очень получается. Я не люблю это, - сказал Никлис. – Отец очень морщится и сердится, когда я плохо пою.
- Может быть ты не очень музыкальный? – предположил Орландо.
- Я не знаю, - ответил Никлис. Орландо подошёл к нему поближе, потом осторожно положил ладошки ему на плечи и прижался лбом к его лбу.
- Ля-а-а, - протянул он. Никлис глянул на него мрачно, исподлобья.
- Ля-а-а, - снова спел Орландо. – Ля-а-а...
- Ля-а-а, - выдохнул Никлис сначала фальшиво, потом попав в ноту в голос с Орландо. Тот весело улыбался.
- А-а-а, - запел Орландо какую-то другую ноту.
- А-а-а, - нехотя вторил Никлис.
- О-о-о! – голос Орландо взвился высоко вверх, и Никлис не стал его догонять.
- Этого я ещё не учил, - сказал он виновато.
- А ты просто пой. Когда хочется. Берёшь и поёшь, - заметил Орландо. – И всё получится.
- Не получится. Отец всегда меня затыкает, когда я просто так пою, - фыркнул Никлис. – Говорит это невозможно слушать.
- Я думал он добрый, - сказал Орландо задумчиво, всё ещё сжимая плечи друга. – Он казался добрым. А ты говоришь про него, словно он злой...
- Он и добрый, и злой, - Никлис вздохнул. – Я его не понимаю.

* * *

Всю дорогу домой Никлис не сбавлял шага. Он бежал упрямо, плотно сжав губы, преисполненный возмущения, обиды и вдохновения, которое подарил ему Орландо. Он может, он не так плох, как кажется, он тоже хочет, как Орландо, уметь слышать музыку. Калитка была плохо закрыта, но Никлис всё-таки затормозил, чтобы защёлкнуть щеколду. Вспрыгнув по ступенькам на крыльцо, он распахнул дверь и ворвался в коридор. Задыхаясь с бега, мальчик скинул с ног ботинки, пыльные и ещё тёплые, поскольку дорога хранила в себе солнечное тепло, пускай в воздухе и висела влажная

прохлада.

- Отец, - Никлис вбежал в комнату, запнувшись за ковёр. – Отец!

Эльдар сидел в своём кресле, раскрыв на коленях большую газету, и свет лампы озарял его блёклое лицо со спущенными на него волосами.

- Что такое, Никлис? – он слегка опустил листы, просвеченные сиянием огня лампы, и они коротко и сухо зашуршали.

- Почему ты дал Орландо поиграть на твоей скрипке, а мне никогда не даёшь?! – воскликнул Никлис, вплотную подойдя к креслу отца. – Он сказал, что я тоже могу делать музыку, а ты мне не даёшь!

- Никлис, - Эльдар сложил газету, хлёстко бросил её на столик и поднялся на ноги. – Музыкай можно владеть с рождения, музыке можно научиться. Орландо рождён был с музыкой, и потому я дал ему скрипку. Ты же музыке можешь научиться.

- Почему?! Отец, почему так? – спросил Никлис уже тише.

- Потому что ты такой. Орландо другой, он особенный, - пояснил Эльдар и взглянул на полку со скрипкой.

- Но ведь я тоже могу так, как он...

- Не можешь! – вдруг резко произнёс Эльдар. – Ты глух к тому, что может слышать он.

Никлис вздрогнул, его пыл пропал, в груди всё сдавило от обиды и унижения. На миг в гостиной повисла тишина.

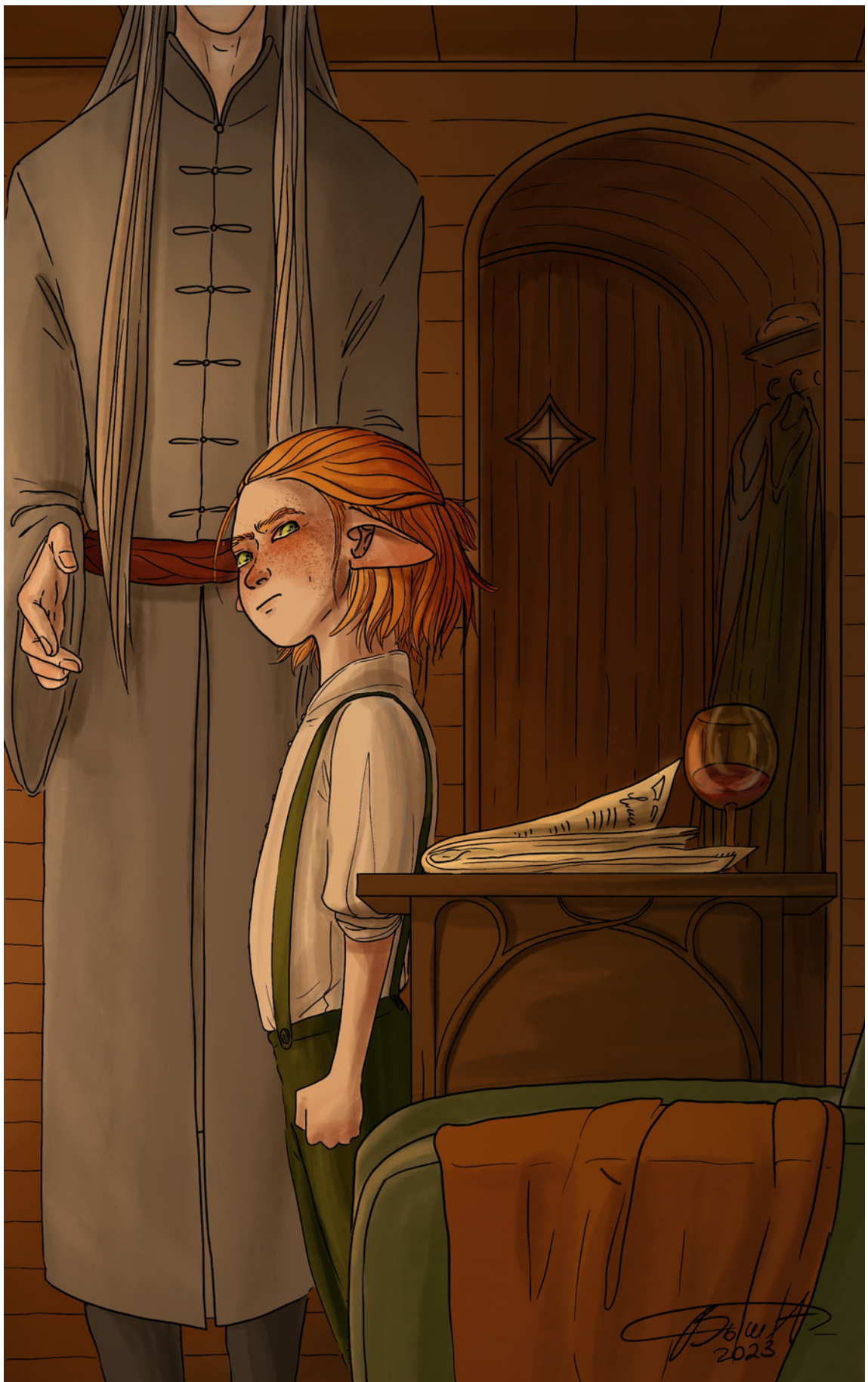
- Ты можешь научиться, я не говорю, что в тебе нет надежды. Однако, не равняй себя в Орландо, - сказал Эльдар с печальной ноткой в голосе. Никлис сжал руки в кулачки, и опустил голову.

- Не смей реветь, - заявил Эльдар строго. – Ну-ка подними голову и прими правду как она есть. Нечего рыдать о том, чего нет.

Никлис покорно поднял голову, но глаза его были прикрыты, и на щеках блестели слёзы.

- Отчего ж ты рождён с этим буйным духом?.. – прошептал Эльдар, глядя в его мокрое веснушчатое лицо. – Ты свободен.

Но Никлис не был свободен. Он смотрел на газету. Дурацкая, шуршащая,

серая газета с редкими цветными картинками. Она всегда была в его жизни, эта противная газета. Отец всё время носил её с собой, менял её каждый день, шуршал ею, раскладывал, складывал, перекидывал, бесконечно читал её. Как только Никлис хотел что-нибудь сказать ему, в его руках появлялась эта газета, он всегда был ею занят. Неужели отец любил газету больше, чем его, Никлиса?.. Отчаянно шмыгнув носом, закусив губу и до боли сжав кулаки, Никлис рванулся вперёд.

Он схватил её, хрупкую и хрусткую, дёрнул, и она посыпалась листами со столика на пол, взмахнув типографскими крыльями. Никлис сжал листок, прорывая его пальцами, скрутил, рванул, он затрещал и порвался. Он бросил его, схватил другой, пнул тот, что приземлился на его ногу, вцепился зубами в обрывки.

- Ты не знаешь меня!.. – завопил Никлис, разрывая листы в клочья. – Ты не знаешь! Ты меня не слушаешь! Никогда! Ты всегда со своей газетой! Не будет больше газеты! Умри!..

- Никлис, - тихо попытался возразить изумлённый Эльдар, наблюдая это беснование сына. – погоди, Никлис.

- Глупая! Противная! Мерзкая! Душная! Невозможная! Отвратительная газета!.. – Никлис снова схватил кусок зубами. – Провались пропадом!..

- Газета тут не причём, - произнёс Эльдар, глядя широко раскрытыми глазами на эту сцену. – И я не причём. Причём ты.

Никлис замер, дыша через комок газетных листов. Его глаза, тёмные и злобные, сверкали в свете лампы.

- Ты злой!.. – вдруг выдал он. – Орlando правду сказал... Ты злой!.. Ты меня не видишь... И не хочешь видеть... меня нет... И тебе не важно!..

- Никлис Кетэрэ, прекрати это, - приказал, наконец, Эльдар. – Ты сказал довольно.

- Злой! – огрызнулся Никлис, давясь газетой. – Злой!.. И глухой!.. Не трогай меня!.. Не трогай! Ай!

Смачный шлепок пониже спины прекратил его отчаянные вопли. Упав на колени и уткнувшись лицом в ковёр, Никлис судорожно плакал, униженный,

побеждённый и полный стыда. Он чувствовал, что нельзя было рвать газету. Он чувствовал, что нельзя было кричать на отца. Он чувствовал, что теперь ему не избежать наказания, и от этого становилось ещё больнее. Он не должен был этого всего говорить, но теперь всё было кончено. От нанесённого оскорбления Никлис был не в силах понять голову. Его ещё ни разу в жизни не шлёпали. Отец бывал строг, ставил его в угол, не давал сладкого, но ещё никогда не шлёпал...

- Довольно. Вон отсюда, - вдруг сказал Эльдар, и не повиноваться Никлис не мог. Он неуклюже поднялся, повернулся и со всех ног бросился через дом в небольшую комнатку с окнами от пола до потолка, где Аннуиль рисовала что-то на своём высоком мольберте.

- Мама! Мамочка! – застонал Никлис, врываясь в комнату. – Мама!

- Милый мой, что случилось? – Аннуиль оглянулась, опустила кисть. Она не могла не слышать происходившей сцены, но она умела скрыть эту информацию от сына.

- Мамочка! – Никлис бросился к ней, обхватил руками её платье и фартук и уткнулся в него лицом.

- Что такое, мальчик мой, милый, - Аннуиль присела, опустила руку ему на спину. Безудержно беззвучно роняя слёзы, Никлис рухнул ей на шею и весь задёргался от безутешных рыданий.

- Маленький мой, - Аннуиль нежно гладила его по дрожащей спинке. – Что такое? Кто тебя так обидел?..

- Отец... - всхлипнул Никлис. – Он сказал... он сказал, что я глухой!.. и что я не умею музыку... и вообще... никогда-никогда больше не буду делать музыку!..

- Маленький мой, что ты такое говоришь? погоди, успокойся сперва, вот так, дыши... Ну, всё хорошо, не убивайся так... - Аннуиль усадила его на маленькую табуреточку подле своего столика с палитрой. – Тише, тише...

Никлис так судорожно всхлипывал, что дыхание его вскоре совсем сбилось, и он долго сидел, захлёбываясь и свистя от рыданий. Аннуиль всё это время нежно успокаивала его, дала ему попить. Никлису было так стыдно, что он

боялся признаться во всём, что случилось, а особенно в том, что его отшлёпали, хотя его до сих пор жгло от удара. То был очень удачный шлепок. Но о газете сказать тоже было страшно. Аннуиль просила его рассказать обо всём, но он только тяжело вздыхал, роняя слёзы, и пытался отдышаться. Прошло немало времени, прежде чем он успокоился настолько, что смог тихонько, с прерывистыми глубокими вздохами, рассказать о том, что случилось. Жалобно, виновато и испуганно мальчик проглотил половину слов, но Аннуиль этого было достаточно.

- Давай разберёмся, - предложила она. – Пойдём, поговорим с отцом, он простит, я тебя уверяю. Пойдём.

- Нет, - выдохнул Никлис. – Нет, там газета!..

- Газета?

- Ну та газета...

- Ладно, это ничего, она тебя не тронет.

- Отцу не нравится так... - всхлипнул Никлис.

- Возьми себя в руки, вот так, вдох-выдох, всё хорошо. А теперь пойдём. Не можем же мы тут сидеть пока газета сама не исчезнет. Раз такое учудил, нужно теперь разобраться, - сказала Аннуиль серьёзно и вместе с тем ласково. – Разбираться в таких вещах нужно всегда. Никогда не оставляй их на будущее, их станет ещё больше, они запутаются, и ты запутаешься, и выбраться потом будет ещё сложнее.

* * *

Отец стоял у окна, свет свечей падал на его широкую, длинную спину и золотил его седые волосы. Никлис боялся поднять глаза, он внимательно переступал каждый комок газеты, стараясь быть как можно тише. Мама напрямик направилась к отцу и тронула его за рукав камзола, а потом произнесла несколько быстрых слов. Никлис с удивлением обнаружил, что они звучали на каком-то другом, незнакомом ему языке. Эльдар обернулся, опустил взгляд на маленькую фигурку сына, и Никлис весь сжался. Он подошёл ближе, навис огромной тенью.

- Никлис, - Эльдар смотрел ему прямо в макушку. – Ты должен принести

мусорное ведро и прибраться это. Потом мы поговорим с тобой.

- Я не буду, - пробормотал Никлис себе под нос.

- Не будешь? Хочешь, чтобы я ещё раз тебя шлёпнул?

- Нет, не буду.

- Милый мой, ты его отшлёпал?.. – изумилась Аннуиль, уставясь на мужа.

- Да, я должен был, - ответил Эльдар строго. – Никлис, повтори матери всё, что ты сказал мне.

- Не буду, - снова возразил Никлис.

- Я не выпущу тебя одного из дома, если ты не скажешь, - пригрозил Эльдар, и Никлис собрался снова заплакать. – И не смей реветь! Будь мужчиной, в конце концов.

- Ты сам хорош, шлёпать меня! – воскликнул Никлис и чуть не умер от ужаса о собственной дерзости. Он увидел, что отец занёс руку, значит, не избежать ещё одного унижения. Он зажмурился. Всё. Проще было бы умереть. Но второго шлепка не последовало. Никлис приоткрыл глаза и обнаружил, что мама поймала руку отца, не давая ему повторить своего действия.

- Никлис, как ты смеешь так разговаривать с отцом? – произнесла она жёстко.

- Он мне не отец!.. – выпалил Никлис и снова сжался в комочек. – Он злой!

Он никогда меня не слышит! Лучше, чтобы у меня совсем не было отца! Как у Орландо!

- Я слышал довольно об Орландо, - глухо произнёс Эльдар.

- Орландо! – воскликнул Никлис. – Орландо!

- Сейчас же прекрати это!

- Так, - Аннуиль подняла руки. – Успокойтесь оба.

Они замолчали, оба глядя на неё, один с удивлением, другой с надеждой.

- Сядьте на диван, - велела Аннуиль. – Нам пора поговорить.

- Но это неправильное воспитание ребёнка, он не должен уходить безнаказанным за такое поведение! – возмутился Эльдар.

- Он будет наказан. У него на завтрак не будет булочки. И до обеда он должен будет читать Книгу жизни, и только потом сможет пойти гулять. Но пока нам нужно поговорить, - заявила Аннуиль, садясь на диван и приглашая их сесть

рядом. Никлис, насупившись и теперь безумно расстроившись по поводу завтрашнего наказания, а особенно по поводу сидения дома, неуверенно и смущённо уселся подле неё. Эльдар опустился с другой стороны.

- Расскажите мне о том, что произошло, по одному, - велела Аннуиль, сложив руки на коленях. Эльдар начал, спокойным, повелительным тоном, который всегда очень внушительно действовал на Никлиса. Когда он кончил, мальчик уже не знал, что добавить. Во-первых, отец рассказал всё, что было нужно, не упустив и шлепка, рассказал всё правдоподобно, и это было самым ужасным. Однако, он так поставил слова, что маленькому Никлису они все показались унижительными, его поступок совершенно глупым, а действия отца оправданными. Отчаявшись что-то ещё добавить и растеряв весь свой пыл и гордость, он сидел, низко опустив голову.

- Безумное происшествие, - подытожила Аннуиль, когда прошла почти минута молчания, и Никлис не добавил ничего. – Но шлёпать его всё-таки было не нужно.

С этим Никлис был согласен. Эльдар покачал головой. Газета всё ещё лежала на полу, вся изодранная и изжёванная. Её клочки разлетелись по всему ковру.

- Никлис, ты уже... достаточно большой, - произнесла Аннуиль вдруг неожиданно дрогнувшим голосом. – Чтобы знать кое-что касательно твоей семьи. Видишь ли... твои бабушка и дедушка, папа и мама твоего отца, давно уже не с нами, как ты знаешь. Так вот ты должен узнать почему они не с нами.

- Почему? – прошептал замороженный Никлис.

- Мне было девять лет... - заговорил Эльдар тихо и глухо. – У меня были волосы рыжее, чем у Фильнары. У меня был дом, были братья и сёстры, была мама и... был папа. Вся эта благодать существовала для меня только эти первые девять лет моей жизни. Я был чуть-чуть старше тебя, когда мой папа, твой дедушка Неидол, убил короля Орлинда. Мне говорили, что это было необходимо, чтобы Орлинд оставался свободным, чтобы у меня было что съесть на ужин, и чтобы у нас был большой красивый дом. Но вместо

этого судьба отняла у меня всё, что я имел: мой дом и мою семью. И то была честная плата, жизнь за жизнь. Мой папа убил короля, и за это убили моего папу. За такие поступки платят кровью. В одну ночь у меня не стало ничего. Вечером было всё, утром – ничего. Они посчитали слишком громким голос моей мамы, и убили её тоже. И всё это из-за того, что мой папа чересчур далеко зашёл в политике, чересчур многого пытался достичь. Нельзя поступать так, это грозит страшными последствиями...

- И эта беседа на вечер через десять лет, - перебила его Аннуиль. – Он не поймёт сейчас о политике.

- Да, но это всё равно очень важно, - отозвался Эльдар и посмотрел на испуганного, мокрого от слёз Никлиса, который глядел на него во все глаза.

- Твой отец видел той ночью больше, чем должен видеть человек в таком возрасте, - произнесла Аннуиль, тоже поглядев на сына. – И поэтому теперь ему очень нелегко жить. Это называют посттравматическим синдромом, и ты должен понять, что ему бывает непросто заниматься делами, которыми ты так хочешь заниматься, например, драться. Я знаю, что тебе очень не нравится, что он не учит тебя этим вещам, но будь немножечко понятливее. Он прячется за газетой, потому что не может иначе, прости его.

Никлис смотрел на них обоих, и в глазах у него опять собрались слёзы. Как это простить? После всего сказанного, после всего этого происшествия, после оскорбления, нужно простить?.. Родители, наверное, знают, что просят. Они всегда знают. Никлис опустил голову, потерев подол выбившейся из штанов рубашки. Простить.

- Только не реви... - произнёс было Эльдар, но мама шикнула на него.

- Ладно, - прошептал Никлис. – Ладно, прощу.

- Вот видишь, умничка, - Аннуиль наклонилась и поцеловала его в рыжую макушку. – А теперь иди и собери с пола газету.

* * *

Проблемы сыпались ему на голову одна за другой с самого утра, когда он встал, проспав назначенный час, и до самого вечера, до резких слов отца. Теперь он лежал на ковре в гостиной, возле камина, слушал монотонное

чтение из Книги жизни и гладил мягкую шелковистую кожу Таси, одной из их левреток. Тася лежала подле него послушно и спокойно, лизала ему ладошку. Она буквально утёрла ему слёзы своим шершавым язычком, исцеловала всё его лицо, а потом легла рядом, согревая мальчика своим тощим, элегантным и тёплым телом. Хотелось, чтобы всё было проще, чтобы не было всех этих «сравнивай, но не сравнивай» и каких-то особенных причин поведения отца. Не мог Никлис понять, как его святые родители могли оказаться вдруг не такими уж правильными. Отец несколько загладил своё оскорбление более тёплым разговором, и пошатнувшееся доверие Никлиса к нему несколько восстановилось. Теперь мальчик тихо гладил шкурку левретки, и в тот вечер он так и заснул на ковре, уткнувшись в тёплый бок собаки, усталый, заплаканный, и полный самых неожиданных идей и открытий.

Оглавление

Часть I.....	2
Часть II.....	29

"Ноты Дружбы" - сильная история - читала и плакала с начала и до конца.

~ В. Н. Желтухина